DOI 10.15826/izv1.2021.27.4.077
УДК 316.77 + 659 + 340.114.5

Н. Б. Кириллова

КОММУНИКАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ МЕДИАСФЕРЫ КАК ОСНОВА РАЗВИТИЯ ПРАВОВОЙ МЕДИАКУЛЬТУРЫ*

Объектом исследования является образовательно-воспитательный потенциал медиасферы, служащий развитию и распространению правовой культуры и культуры прав человека в современной России. Это связано с усилением роли информационного фактора в условиях формирования гражданского общества. Цель работы — рассмотреть коммуникационные технологии медиасферы как основу трансформации правовой культуры в правовую медиакультуру.

К л ю ч е в ы е с л о в а: медиакультура; медиасфера; правовая культура; коммуникационные технологии; медиатексты; медиаобразование; правовая медиакультура

Введение

Для информационной эпохи рубежа XX–XXI вв. характерно сочетание процессов глобализации и диверсификации как итога цифровой революции, которая изменила бытие всего человечества. Масштабы медийной цивилизации, превратившей планету в глобальную информационную среду, влияют на интеллект и жизнедеятельность человека нового тысячелетия. Современная медиасфера, вбирающая в себя плотный поток аудиовизуальных коммуникаций людей, интернет-контента, дополняется многообразными сюжетами политического, правового и социокультурного характера, которые транслируются через разные медиаканалы. Это доказывает усиление роли информационного фактора, связанного со средствами массовой коммуникации как компонентами медиакультуры,

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-013-00813.

КИРИЛЛОВА Наталья Борисовна — доктор культурологии, профессор, заведующий кафедрой культурологии и социально-культурной деятельности Уральского федерального университета (e-mail: urfo@bk.ru). ORCID: 0000-0002-9187-7080

© Кириллова Н. Б., 2021

которая вышла на приоритетные позиции в условиях формирования гражданского общества.

Можно согласиться с мнением о том, что сегодня «макромир медиакультуры являет собой повседневный бытийный контекст самоопределения личности, направляя процесс индивидуально-личностного становления в пространство сопряженности медиакультурных смыслов и человеческой субъективности» [Возчиков]. Таким образом, вхождение индивида в технологии медиакультуры с ее онтологическим основанием становится и практикой, и условием адекватного освоения проблемного поля современного духовного бытия. Речь идет не только об освоении социальной информации, связанной с деятельностью, поведением и общением человека, но и о ведущих формах активности индивида, которая во многом обусловлена его сознанием и правовой культурой.

«Если мы настроены на то, чтобы быть демократами, — подчеркивал еще в эпоху гласности и перестройки М. К. Мамардашвили, — надо понимать, как устроена наша социальная жизнь, которая пронизана пограничными сопряжениями и требует от нас цивилизационной грамотности. Чтобы нам быть гражданами, то есть жить социально грамотно, нужно понимать какие-то отвлеченные истины относительно самих себя, своих предельных возможностей» [Мамардашвили, с. 43].

Вот почему одной из главных функций государства является «защита прав и свобод личности, обеспечение законности и правопорядка в обществе, процесс формирования у граждан позитивного отношения к праву, становления правовой культуры» [Морозова, с. 83]. От этого зависит судьба демократии в стране и дальнейшее развитие гражданского (информационного) общества. Данную функцию прежде всего выполняют государственные органы, учреждения, предприятия, учебные заведения и другие социальные институты.

Потенциальные возможности медиасферы в формировании правовой культуры личности

Будучи составной частью культуры общества, правовая культура, являя собой «реализованное правовое сознание» [Смоленский, с. 162], отражает уровень его правовой цивилизованности и включает в себя достижения отечественных и зарубежных правовых систем: современное законодательство, практику законотворчества и судебной деятельности, правовую активность населения, совокупность в нормах права национального и общечеловеческого, юридические обычаи и традиции.

Для начала обратим внимание на само определение термина «право». Как констатирует Ю. Г. Ершов, «...это общая мера свободы, равенства и справедливости, выраженная в системе формально-определенных и охраняемых публичной (государственной) властью общеобязательных норм (правил поведения) и деятельности социальных субъектов. Этимологически слово “право” производно от “правый” и “правда” (в значении “истинный”)... Право адресовано свободной воле субъектов общественных отношений и приобретает смысл при выборе вариантов поведения адресатом нормы. Право выступает как положительное бытие

свободы, исключаящее самоуправство, произвол, подавление личности, право становится мерой (нормой) свободы» [Социальная философия, с. 324].

Что касается правосознания, то являясь «одной из форм общественного сознания, оно включает в себя совокупность идей, чувств, настроений, представлений, взглядов, в которых выражается отношение к праву, правовым явлениям, в том числе к действующему и желаемому праву, к деятельности юридических органов и учреждений, а также к деяниям и поступкам, совершаемым в правовой сфере» [Морозова, с. 305].

Поскольку формирование правосознания в информационном обществе во многом зависит от медиакультуры и ее составляющих (средств массовой коммуникации), то образовательно-воспитательный потенциал медиасферы требует особого изучения в контексте формирования правовой культуры и культуры прав человека. Дело в том, что именно медиасфера, расширение информационного пространства создали основу для демократизации и открытости общества, «...дали возможность свободно мыслить, то есть не только право говорить о том, что видишь, но и право быть услышанным. В том числе — властью» [Мамардашвили, с. 53].

Отметим, что медиасфера как новое социокультурное пространство, сложное и неоднозначное, не является чем-то статичным, она постоянно трансформируется, пополняется новыми медиа, представляя собой безграничный спектр средств и каналов коммуникации для передачи разнообразной информации, выступая тем самым фактором формирования общественного сознания и социализации личности. Это связано с особенностями медиакультуры, которая, в соответствии с концепцией автора, включает в себя «как культуру производства и передачи информации, так и культуру ее восприятия», являясь одновременно «показателем уровня развития личности, способной "читать", анализировать и оценивать медиатекст, заниматься медиаторчеством, усваивать новые знания посредством медиа» [Кириллова, 2008, с. 18].

То есть современная медиасфера, как источник знаний и информации, становится важным фактором правового воспитания, средством повышения уровня правосознания и правовой культуры граждан. Представляя собой особую форму социально-психологического воздействия, язык и технологии новых медиа, с их интерактивностью и разнообразными текстуальными практиками, способны формировать у аудитории позитивные представления, взгляды, поведенческие ориентации, установки и навыки, обеспечивающие адекватную жизненную позицию личности в конкретной правовой ситуации. А медиапродукция, в том числе онлайн, включается тем самым в систему мер, направленных на внедрение в сознание индивида демократических, правовых и моральных ценностей, стойких нравственных принципов и убеждений.

Правда, такое взаимодействие между интерактивными медиа (включая и блогосферу) и аудиторией должно строиться на доверии как основе не только онлайн-взаимоотношений, но также интерпретации окружающего мира и способов его понимания [Матисон, с. 253–254].

Среди направлений правового воспитания выделяются следующие: 1) формирование правосознания и правовой культуры в основной ячейке общества — семье;

2) обучение основам правовой науки подрастающего поколения в учебных заведениях; 3) самовоспитание; 4) предоставление информации о правотворческой деятельности в государстве через средства массовой коммуникации, включая компьютерные программы и интернет-источники. Роль медиа в этом процессе настолько усилилась, что в теории и практике права сложилось новое направление — информационное право [Смоленский, Алексеева]. Само понятие «информационное право» появилось относительно недавно и трактуется исследователями по-разному.

Так, В. А. Копылов определяет термин «информационное право» как систему охраняемых государством социальных норм и отношений, возникающих в информационной сфере — сфере производства, преобразования и потребления информации [Копылов]. М. М. Рассолов определяет информационное право как систему юридических норм и институтов, регулирующих правовые отношения в информационной сфере [Рассолов, с. 50]. И. Л. Бачило приходит к выводу, что информационное право — совокупность правовых норм, регулирующих отношения в информационной сфере, «связанных с оборотом информации, формированием и использованием информационных ресурсов, технологий и коммуникаций» [Бачило, с. 26].

Анализируя вышеизложенные определения, М. Б. Смоленский и М. В. Алексеева формулируют это понятие, исходя из объектов и предметной области самого информационного права, по отношению к которым или в связи с которыми возникают общественные отношения, подлежащие правовому регулированию. В информационном праве, по их мнению, «основным объектом, по поводу которого возникают общественные отношения, подлежащие правовому регулированию, является информация, находящаяся в гражданском, административном или ином общественном обороте» [Смоленский, Алексеева, с. 19].

Правовая и медийная культуры: механизмы взаимодействия

Интересно проанализировать технологии трансформации правовой культуры в правовую медиакультуру, правового воспитания в правовое медиавоспитание, образования в медиаобразование, правового пространства в правовое медиaproстранство в современной России. Дело в том, что реализация социальных функций медиакультуры (таких как освоение и познание мира, коммуникативная, нормативная, креативная, посредническая и др.) тесно связана с культурой правовой, также включающей в себя весь комплекс связей, вступая в которые, люди достигают своей цели, реализуют жизненные планы. При этом социокультурное бытие, которое объединяет указанные структуры, можно трактовать как «информационную систему — процесс», который может стать механизмом указанной трансформации и который тождествен категориям информационного бытия и формам (фрейм, паттерн, скрипт) восприятия человеком через призму интерпретации природного, культурного, смыслового миров [Тхагапсоев, Астафьева, с. 106–108].

Все это свидетельствует, что правовая медиакультура — это явление мировой и национальных культур, включающее в себя объективную логику общественных

отношений, закономерные императивы и требования этих отношений, которые политическая власть так или иначе отражает в действующем законодательстве.

Еще одним фактором связи медийной и правовой культуры является их онтологическая основа, которая заключается в самой жизнедеятельности индивида, развертывающейся в его профессиональной сфере, творчестве, поведении и общении как главных формах человеческой активности. Все перечисленные формы, обеспечивающие воспроизводство и развитие разных компонентов окружающего мира (искусственно созданной предметной среды, сложной системы межличностных отношений, деятельности социальных институтов и духовной жизни общества) опосредованно воплощаются в правовой медиакультуре — трансперсональном сознании, которое в данный период существует в обществе.

Нельзя не коснуться и такой важной проблемы, как взаимодействие «массовости» и «социальности» в медиасфере. Как отмечает М. В. Загидуллина, «массовость как структурный компонент коммуникации — это нити, увязывающие индивидов в ансамбль». А «массовая коммуникация есть связи, обуславливающие “человечность” человечества... Причем как именно выглядит этот “чип социальности” в сознании каждого индивида, в данном случае не так уж и важно» [Загидуллина, с. 171–172].

Именно этим объясняется широкое распространение и популярность тех платформ, которые обеспечивают массовый формат межперсональной и межгрупповой коммуникации и трансформацию сферы приватного, частного, закрытого, включая освоение самой логики медиакультуры участниками коммуникации.

Колоссальный потенциал современной медиасферы с ее развитым комплексом социальных медиа, разнообразием медиатекстов, интерактивными электронными изданиями, практиками блогинга, виртуальными правозащитными проектами так или иначе связан с образовательной средой. Текстом медиакультуры при этом является и само медиасообщение, и часть его, и отдельно взятое средство массовой коммуникации, включая традиционные и новые медиа, многочисленные интернет-источники и др. Сложность любого медиатекста — в потенциальной многозначности его смыслов, когда ни один из них нельзя признать «истинным», подобно тому, что не существует и некоего «идеального» потребителя медиапродукции. По сути, это вопрос о характере медиакультурного дискурса. Более того, любое средство массовой коммуникации интертекстуально не только на уровне коммуникации «автор — адресат сообщения», т. е. логики диалогичности отношений составляющих его текстов, но и в полифоничности текстовой структуры медиакультуры. Об этом писала в своих работах по семиотике Ю. Кристева, доказывая, что любой медиатекст полифоничен, так как представляет собой «особое устройство — площадку, на которую выходят разные противоборствующие идеологии» [Кристева, с. 21].

Медиатексты можно классифицировать как оперативно-новостные, оперативно-исследовательские (интервью, репортаж), исследовательско-новостные (комментарий, рецензия), исследовательские (статья, обзор), художественно-публицистические (очерк, эссе, памфлет, фельетон). Распространение медиатекстов правового содержания (к примеру, «Консультант», «Право и юриспруденция.

Словарь-справочник», портал «Закон.ру» и др.) связано с логикой современного познания, где доминируют социально-нравственные искания личности, стремление к истине, к разрешению тех или иных проблемно-правовых ситуаций.

Законодательство Российской Федерации и роль медиаобразования

Вся система работы по «расшифровке» медиатекстов так или иначе связана с процессами медиаобразования в школе и вузе, особенности которого нашли отражение в работах О. А. Баранова, Е. А. Бондаренко, Е. И. Вартановой, Я. Н. Засурского, Н. Б. Кирилловой, Б. Н. Лозовского, А. А. Новиковой, В. Ф. Олешко, Н. Ф. Хилько, И. В. Челышевой, А. В. Федорова и др. Большая роль в исследовании проблем медиаобразования в последние годы отводится журналу «Media education» (главный редактор А. В. Федоров), индексируемому в международной базе Web of Science.

Можно согласиться с В. А. Возчиковым, что в «...феномене медиаобразования мы обнаруживаем уникальную форму целенаправленного развития и опредмечивания сущностных характеристик человека как носителя и творца культурных смыслов и значений. Постигание медиакультуры осуществляется через развитие ментальной, нравственно-этической, мировоззренческой, эстетической и прочих важнейших характеристик личности, шире — ее духовной субъективности» [Возчиков]. Все сказанное позволяет говорить о человекообразующей функции медиаобразования и одновременно — об углублении и расширении потенциальных возможностей правовой медиакультуры.

Новый тип культуры и бытия человека, который образование воспроизводит сегодня с перспективами на будущее, самым тесным образом связан с доминированием медиасферы, и поэтому вся образовательная система, занимаясь выявлением культурных ценностей и основополагающих мировоззренческих установок воспитания, должна быть объединена с приоритетами правовой культуры, вводя их в систему медиаобразования. Не случайно в Декларации о правах человека и верховенстве права в информационном обществе информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) признаны «движущей силой информационного общества», способствующей «конвергенции разных средств коммуникации» и влияющих на осуществление прав и свобод человека [Декларация о правах человека, с. 3].

На достижение указанных целей должна быть направлена и система медиаполитики государства, тем самым влияя как на процессы модернизации российского общества, так и на развитие его правовой культуры [Кириллова, 2015]. Основа медиаполитики — законодательство, активно развивающееся в постсоветской России. Его ядром стал Закон РФ «О средствах массовой информации», принятый в декабре 1991 г., отдельные положения которого вошли в статью 29 Конституции Российской Федерации (1993).

Комментируя новую редакцию Конституции РФ 2020 г., Е. Ю. Бархатова отмечает, что «...статья 29 закрепляет право на свободу мысли и слова, получение, производство и распространение информации. Положение данной статьи говорит о Российской Федерации как о государстве демократическом, признающем

разнообразие мнений». Тем не менее, констатирует автор, «...данная статья имеет большее число ограничений, чем другие. Это не случайно — свобода мысли и слова не может быть абсолютной. В общих чертах ограничения сформулированы в статье 55 Конституции РФ. Кроме того, ГК РФ, КоАП РФ, УК РФ предусматривают меры наказания за публичные призывы к национальной вражде, насильственному захвату власти и т. д. Гарантиями осуществления данного права является то, что оно не только декларируется, но и создаются возможности его реализации. Так, Закон РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» предполагает предоставление возможности публично заявить о своем мнении, Федеральный закон от 13 января 1995 г. № 7-ФЗ «О порядке освещения деятельности органов государственной власти в государственных средствах массовой информации» предполагает гарантии свободы получения информации для каждого. Запрет цензуры означает, что не может быть лиц, надзирающих за работой средств массовой информации, обладающих правом запрещать распространение какой-либо информации. Ограничения существуют только для информации конфиденциальной, для сведений, составляющих государственную тайну, перечень которых определяется Федеральным законом. Таким законом в настоящее время является Закон РФ от 21 июля 1993 г. № 54851 «О государственной тайне» [Бархатова, с. 40–41].

Для охраны интеллектуальной собственности был принят Закон РФ «О правовой охране программ для ЭВМ и баз данных» (1992), а в 1993 г. — Закон «Об авторском праве и смежных правах» (сегодня это 4-й раздел Гражданского кодекса РФ). Среди важных законодательных актов Российской Федерации выделяются также Закон РФ «Об информации, информатизации и защите информации» (1995), Указ Президента РФ «О переходе России к информационному обществу» (1997), Концепция государственной информационной политики (1998), Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (2000), Указ Президента РФ «Об утверждении основ государственной культурной политики» (2014) и др. Все перечисленные документы, несомненно, способствуют формированию и развитию новой медиасферы, структура которой соединила в образовательном контексте правовую и медийную культуры. Что касается правового медиаобразования в современном гуманитарном вузе, то его основы даны автором в ряде работ [Кириллова, 2008, 2015].

Выводы

Подводя итоги исследования, следует отметить, что изучение образовательно-воспитательного потенциала медиасферы и ее влияния на развитие правовой культуры и культуры прав человека в современной России ведется все еще недостаточно глубоко, хотя актуальность данного направления деятельности очевидна. Требуют дальнейшего анализа и новые информационно-познавательные платформы, и сами медиатексты, и видеоролики, представленные в социальных медиа; необходимо также выявление наиболее интересных медиапроектов с правовым контентом.

Сказанное связано с тем, что коммуникационные интернет-технологии в информационном (гражданском) обществе, как и система медиаобразования, являются все более востребованными и эффективными рычагами формирования правовой культуры личности в постсоветской России. А правовая медиакультура как новая парадигма науки и образования становится одним из самых перспективных объектов исследования.

Бархатова Е. Ю. Комментарии к Конституции Российской Федерации. 3-е изд. М., 2021. 256 с.

Бачило И. Л. Информационное право. 2-е изд. М., 2019. 419 с.

Возчиков В. А. Философия образования и медиакультура информационного общества : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. СПб., 2007. URL: http://irbis.gnpbu.ru/Aref_2007/Vozchikov_V_A_2007.pdf (дата обращения: 10.07.2021).

Декларация о правах человека и верховенстве права в информационном обществе / Рос. комитет программы ЮНЕСКО «Информация для всех». М., 2005.

Загидуллина М. В. Панмедиатизации: закат вербальной коммуникации. Челябинск, 2019. 225 с.

Кириллова Н. Б. Медиакультура: теория, история, практика : учебник. М., 2008. 496 с.

Кириллова Н. Б. Медиаполитика государства в условиях социокультурной модернизации : учеб. пособие. Екатеринбург, 2015. 110 с.

Копылов В. А. Информационное право. 2-е изд. М., 2002. 512 с. URL: https://all-sci.net/pravo-uchebnik_669/informatsionnoe-pravo-uchebnik-izd-pererab-dop.html (дата обращения: 25.07.2021).

Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики / пер. с фр. М., 2004. 656 с.

Мамардашвили М. К. Сознание и цивилизация. СПб., 2019. 352 с.

Матисон Д. Медиадискурс. Анализ медиатекстов. 2-е изд. : пер. с англ. Харьков, 2017. 264 с.

Морозова Л. А. Теория государства и права в вопросах и ответах. М., 2019. 336 с.

Рассолов И. М. Информационное право : учебник и практикум для вузов. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2020. 347 с.

Смоленский М. Б. Теория государства и права : учеб. пособие. Ростов н/Д, 2018. 207 с.

Смоленский М. Б., Алексеева М. В. Информационное право. Ростов н/Д, 2015. 221 с.

Социальная философия : словарь / сост. и ред. В. Е. Кемеров, Т. Х. Керимов. М., 2003. С. 324–334.

Тхагапсоев Х. Г., Астафьева О. Н. и др. Информационно-семиотическая теория культуры: Введение : монография. СПб., 2020. 208 с.

Статья поступила в редакцию 27.05.2021 г.